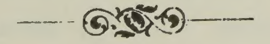
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXX, № 4.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ

И

РАЗРЯДЪ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

К. К. Арсеньевъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1901 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Россійская Академія и Разрядъ изящной словесности.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ совершенно неожиданно и, можно сказать, случайно перестало существовать учрежденіе, многаго оставлявшее желать въ дѣйствительности, но по идеѣ принадлежавшее къ числу лучшихъ созданій екатерининской эпохи. Смерть президента Россійской Академіи, Шишкова, вызвала вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ самой Академіи. Предполагалось сначала включить ее, подъ именемъ Академіи русской словесности, въ составъ новаго обширнаго цѣлаго, которое напоминало бы собою Французскій Институтъ и носило бы названіе Соединенныхъ Академій; другими его частями должны были быть Академія Наукъ, въ вѣденіи которой остались бы науки математическія и естественныя и Академія исторіи и филологіи. Этотъ планъ, исходившій отъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уварова, не былъ одобренъ свыше; повелѣно было присоединить Россійскую Академію къ Академіи Наукъ, «въ видѣ особаго отдѣленія русскаго языка и словесности». Въ составъ новаго отдѣленія вошли, на правахъ дѣйствительныхъ академиковъ, только четырнадцать изъ числа сорока девяти членовъ Россійской Академіи; остальнымъ было присвоено званіе почетныхъ членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности. Со смертью послѣдняго изъ нихъ это званіе исчезло безслѣдно. Въ моментъ преобразованія предполагалось, что академія и впредь останется «доступною для отличнѣйшихъ писателей, которыхъ

имена, украшая отечественную словесность, украсятъ и сословіе членовъ академіи». По словамъ комитета, обсуждавшаго порядокъ слiянія академій, «ограниченіе словеснаго отдѣленія одними академиками, посвящающими себя исключительно ученымъ изысканіямъ о языкѣ, оставило бы отдѣленіе неполнымъ: и достоинство самаго учрежденія, и польза словесности требуютъ, чтобы, вмѣстѣ съ представителями ученой лингвистики отечественной, отдѣленіе заключало въ своемъ составѣ и представителей отечественной словесности въ собственномъ смыслѣ, т. е. *писателей*, снискавшихъ извѣстность отличными произведеніями по разнымъ родамъ литературы. Не принимая на себя постоянныхъ обязанностей и опредѣленнаго труда, они будутъ полезны словесному отдѣленію академіи практическою своею опытностью въ языкѣ, вкусомъ и литературными талантами»[1]). Эти предположенія не осуществились. Отдѣленіе русскаго языка и словесности, уже въ силу незначительнаго числа членовъ (до послѣдняго времени ихъ было не болѣе семи), приняло почти исключительно научный характеръ; въ его среду не входилъ ни одинъ изъ писателей, прославившихъ въ послѣдніе полвѣка русскую литературу. Оправдались слова кн. П. А. Вяземскаго: «лучше было бы не трогать Россійской Академіи. Она уже пользовалась правомъ гражданства въ составѣ государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести, но все же не совсѣмъ праздно просуществовала. Нѣкоторыми нововведеніями и улучшеніями можно было еще возвысить ея вліяніе на любознательную и просвѣщенную публику... Не каждый членъ чисто литературной академіи можетъ быть и членомъ Академіи Наукъ. Фонвизинъ, Княжнинъ, Дмитріевъ и другіе имъ подобные были совершенно на мѣстѣ своемъ въ Россійской Академіи; въ Академіи Наукъ были бы они не жильцы, а развѣ гости». Теперь, благодаря пушкинскимъ днямъ 1899-го года, найденъ способъ сдѣлать представителей литературы *жильцами* Академіи Наукъ.

---

1) «Исторія Россійской Академіи» М. И. Сухомлинова, вып. 8-й, стр. 362.

Вновь образованный, въ составѣ отдѣленія русскаго языка и словесности, *разрядъ изящной словесности*, съ своими почетными академиками[1]) и корреспондентами, избираемыми изъ числа писателей-художниковъ и литературныхъ критиковъ, является прямымъ наслѣдникомъ Россійской Академіи, но при условіяхъ, почти ни въ чемъ несходныхъ съ прежними — и гораздо болѣе благопріятныхъ.

Мысль о собраніи или обществѣ, посвященномъ интересамъ литературы, возникаетъ у насъ почти одновременно съ самой литературой. Уже въ 1735 г., когда еще не выступалъ на сцену Ломоносовъ, когда свѣтиломъ первой величины считался Тредьяковскій, открывается Россійское собраніе, иногда называвшееся и Россійской академіей; но въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія о немъ больше нѣтъ и рѣчи. Съ самыми свѣтлыми моментами царствованія Екатерины II-й совпадаетъ учрежденіе Вольнаго Россійскаго собранія, двѣнадцать лѣтъ спустя уступающаго мѣсто Россійской Академіи. По удостовѣренію историка Академіи, она пользовалась, въ первые годы своей дѣятельности, большимъ всеобщимъ сочувствіемъ. И это вполнѣ понятно. Не было почти ни одного выдающагося писателя, котораго бы она не привлекла въ свою среду. Рядомъ съ поэтами и драматургами — Державинымъ, Фонвизиномъ, Хемницеромъ, Богдановичемъ, Княжнинымъ, Капнистомъ, — мы видимъ въ ней такихъ ученыхъ, какъ кн. Щербатовъ, Болтинъ, Лепехинъ, Румовскій, Озерецковскій — и если намъ теперь бросается въ глаза отсутствіе именъ Новикова и Радищева, то едва ли оно было особенно замѣтно для ихъ современниковъ. Такое положеніе дѣлъ продолжалось недолго. Жизнь Академіи почти замираетъ при императорѣ Павлѣ — и хотя вновь возрождается при Александрѣ I, но скоро попадаетъ въ узкое русло,

1) Терминъ: «почетные академики», въ приложеніи къ представителямъ литературы, встрѣчается уже въ мнѣніи комитета, обсуждавшаго, въ 1841 г., порядокъ сліянія Россійской Академіи съ Академіей Наукъ.

окрашивается въ одинъ, и притомъ очень тусклый свѣтъ. Карамзинъ и Жуковскій становятся членами Академіи только въ 1818 г., когда они уже давно достигли громкой славы. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о Пушкинѣ, избранномъ въ Академію лишь въ 1833-мъ году. Назовемъ еще Дмитріева, Крылова, Гнѣдича, кн. Вяземскаго, Загоскина — и мы получимъ всѣхъ членовъ Россійской Академіи, оставившихъ сколько-нибудь замѣтный слѣдъ въ исторіи нашей изящной литературы. Не были академиками ни Батюшковъ, ни Баратынскій, ни другіе поэты такъ называемой пушкинской плеяды (за исключеніемъ Перовскаго-Погорѣльскаго, обязаннаго этимъ, конечно, своему общественному положенію), ни Рылѣевъ и Бестужевъ, извѣстность которыхъ была велика уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ, ни кн. Одоевскій, ни Лажечниковъ, ни Полевой, ни Надеждинъ. Въ началѣ 1841-го г. на первомъ мѣстѣ въ русской литературѣ стояли, безспорно, Лермонтовъ, Гоголь и Бѣлинскій; никто изъ нихъ не входилъ въ составъ Россійской Академіи. Какъ много, за то, въ ея спискахъ именъ, не только совершенно забытыхъ въ настоящее время, но и тогда не пользовавшихся ни извѣстностью, ни уваженіемъ! Ближайшею причиной такой аномаліи было преобладающее вліяніе президента Академіи, А. С. Шишкова, занимавшаго эту должность съ 1813-го года. Онъ цѣнилъ писателей съ своей особой точки зрѣнія — точки зрѣнія литературнаго старовѣра, — и неохотно, рѣдко, поздно уступалъ голосу общественнаго мнѣнія. Допуская, въ принципѣ, что «Академія безъ людей съ талантами ничего не можетъ сдѣлать», онъ фактически до крайности затруднялъ или вовсе закрывалъ къ ней доступъ людямъ истинно даровитымъ, но даровитымъ не въ его вкусѣ... Достигнуть господства и удержать его за собою въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ такая система могла, очевидно, лишь при тогдашнемъ положеніи литературы. Шагъ впередъ, сдѣланный ею въ первыя четыре десятилѣтія XIX-го вѣка, былъ громадный — но значеніе его понимали и признавали лишь немногіе. Литературная профессія не счита-

лась еще равноправной съ другими, имѣвшими на своей сторонѣ привычку и давность. Цѣлыя отрасли литературы были въ загонѣ, разсматривались какъ нѣчто низшее. Къ періодической печати принято было относиться свысока, ожидать отъ нея больше вреда, чѣмъ пользы — и къ такому взгляду склонялось и большинство Россійской Академіи. За литературной критикой, идущей дальше восхваленія красотъ и робкаго указанія чисто формальныхъ недостатковъ, едва признавалось право на существованіе. Предложеніе Бѣлинскаго въ члены Академіи — еслибы онъ и подписывалъ свои статьи, — вызвало бы, по всей вѣроятности, самое искреннее недоумѣніе. Новыя направленія художественнаго творчества казались многимъ чудовищными нарушеніями законовъ искусства или даже требованій нравственности и общественнаго порядка. Весьма возможно, что и при другомъ президентѣ, не солидарномъ съ замкнутой, отжившей литературной группой, Россійская Академія не скоро освободилась бы отъ тяготѣвшихъ надъ нею традицій и предразсудковъ. Какъ бы то ни было, гордіевъ узелъ ея отношеній къ обществу и литературѣ былъ не развязанъ, а просто разрѣзанъ — и вмѣстѣ съ Россійской Академіей надолго исчезла и самая мысль, положенная въ основаніе этого учрежденія.

Второй половиной XIX-го вѣка завершено, въ области русской литературы, все то, что было начато предыдущими десятилѣтіями. Оцѣнены были по достоинству великіе писатели, въ свое время не понятные или не признанные. Ихъ преемники поддержали и укрѣпили славу русскаго искусства. Печатное слово сдѣлалось необходимой принадлежностью народной жизни. Интересы литературы дороги и близки для общества, границы котораго съ каждымъ днемъ раздвигаются все больше и больше. Возродившаяся въ новой формѣ литературная академія не встрѣтитъ на своемъ пути тѣхъ преградъ, передъ которыми останавливалась ея предшественница. Первые выборы почетныхъ академиковъ, состоявшіеся въ январѣ прошедшаго года, даютъ поводъ надѣяться, что не повторится коренная ошибка Россійской

Академіи. Говоря словами отчета, прочитаннаго въ послѣднемъ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ, «общественное мнѣніе оцѣнило безпристрастіе отдѣленія (русскаго языка и словесности), которое хотѣло и должно было стоять внѣ существующихъ литературныхъ направленій». Не менѣе безпристрастнымъ, конечно, — отдѣленіе окажется и въ новомъ своемъ составѣ, дѣйствуя совмѣстно съ почетными академиками. Началомъ предрѣшается здѣсь, въ значительной степени, дальнѣйшій ходъ дѣла. И это тѣмъ важнѣе, чѣмъ больше одноцвѣтность состава вредитъ значенію и вѣсу литературной академіи. Едва ли не бо́льшая часть нападеній, которымъ подвергалась, въ разное время, французская академія, была вызвана именно тѣмъ, что въ ней не нашли мѣста многіе изъ числа крупныхъ, даже великихъ французскихъ писателей (Мольеръ, Ж. Ж. Руссо, Дидро, Бальзакъ, Флоберъ). Не даромъ же написана исторія сорокъ перваго кресла французской академіи; не даромъ воскликнулъ кто-то изъ академиковъ (если не ошибаюсь, говоря о Мольерѣ): «rien ne manque à sa gloire — il manquait à la nôtre!» Если обновленная Академія Наукъ съумѣетъ не заслужить подобныхъ упрековъ, она избѣгнетъ, тѣмъ самымъ, одного изъ самыхъ опасныхъ подводныхъ камней, лежащихъ на пути ея къ вліянію и нравственной силѣ. Другую опасность устранила самая постановка званія почетныхъ академиковъ: они не состоятъ, въ этомъ качествѣ, на государственной службѣ, и выборъ ихъ, произведенный въ общемъ собраніи ординарныхъ и почетныхъ академиковъ, считается окончательнымъ. Такое отношеніе почетныхъ академиковъ къ Академіи Наукъ, какъ справедливо замѣтилъ предсѣдательствующій въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, «наиболѣе соотвѣтствуетъ и высокому уваженію къ званію писателя, и той нравственной свободѣ, которою такъ дорожатъ писатели-художники».

Нужна ли, однако, литературная академія? Какую пользу, въ лучшемъ случаѣ — т. е. при самомъ нормальномъ устройствѣ и самомъ безукоризненномъ образѣ дѣйствій, — она можетъ при-

нести литературѣ и обществу? Этотъ вопросъ часто слышался и слышится, напримѣръ, во Франціи; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ основаніи его лежатъ съ одной стороны только что указанные нами пробѣлы въ составѣ французской академіи, съ другой — мало симпатичный (у насъ просто немыслимый) обычай, въ силу котораго инициатива кандидатуры въ академики должна исходить отъ самихъ кандидатовъ. Замѣчательно, однако, что изъ числа принципіальныхъ отрицателей французской академіи одни (напр. Зола) становятся, съ теченіемъ времени, претендентами на академическое кресло, другіе (напр. Эдмонъ Гонкуръ, Альфонсъ Додэ) стараются противопоставить академіи другую организацію, неоффиціальную, но во многомъ сходную съ своимъ прототипомъ. Съ идеей литературнаго центра французы, очевидно, сроднились; обойтись безъ него имъ было бы трудно. Публичныя засѣданія французской академіи служатъ празднествами для всего парижскаго общества. Къ суду академіи внимательно прислушивается большинство; она, конечно, не создаетъ талантовъ, но подмѣчаетъ ихъ иногда въ первомъ фазисѣ ихъ развитія, облегчаетъ для нихъ борьбу съ житейскими условіями, ускоряетъ моментъ побѣды. У насъ нѣтъ традиціи, на которой могъ бы покоиться авторитетъ литературной академіи — но это еще не значитъ, что нѣтъ потребности въ подобномъ учрежденіи. Права литературы у насъ еще не на столько безспорны, чтобы не нуждаться въ прямо выраженной, торжественной санкціи. Такая санкція есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, охрана — охрана быть можетъ сначала мало чувствительная, едва замѣтная, но способная расти и крѣпнуть. Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, коренится главное различіе между литературной академіей и другими литературными союзами и обществами. Замѣнить ихъ академія ни въ какомъ случаѣ не можетъ: они сильны своею многочисленностью, своимъ разнообразіемъ, сильны постояннымъ, ничѣмъ не ограниченнымъ приливомъ новыхъ членовъ, сильны въ извѣстномъ смыслѣ даже исключительно частнымъ характеромъ своей дѣятельности — но въ иныхъ случаяхъ

эта сила обращается въ источникъ слабости. Есть задачи, осуществить которыя можетъ только небольшая коллегія, стоящая на виду у всѣхъ, пополняемая съ соблюденіемъ особыхъ правилъ, близкая къ одному изъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Такой коллегіей является разрядъ изящной словесности въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Его призваніе намѣчено, пока, только въ самыхъ общихъ чертахъ — и этимъ предоставленъ полный просторъ указаніямъ опыта и требованіямъ времени. Дорога открыта широкая, цѣли, виднѣющіяся впереди, привлекательны и высоки. Многое будетъ зависѣть отъ первыхъ шаговъ; но если они и не обойдутся безъ ошибокъ, новое учрежденіе найдетъ въ себѣ самомъ силы для ихъ исправленія. Въ средѣ Академіи оно послужитъ связующимъ звеномъ между наукой и жизнью. Что оно дастъ обществу — это покажетъ время; но общество, съ своимъ органомъ — печатью, уже теперь можетъ дать ему много, отнесясь къ нему безъ предубѣжденія и предвзятой мысли. Какія бы препятствія, впрочемъ, ни встрѣтились на нашемъ пути, мы помнимъ, что призваны къ жизни подъ покровомъ имени Пушкина — и глядимъ впередъ безъ боязни, въ надеждѣ если не славы, то добра.

